

налов, основным жанром становится торжественная ода. Возможно, что расцвет ее в это десятилетие не в последнюю очередь связан с тем, что оду можно издать. Развитие другой поэзии, поэзии мысли и чувства, в 1765–1775 годах замирает. После журналов начала 1760-х годов нам трудно с этим смириться, и мы многое домосливаем, проводя плавную линию, например, от раннего творчества Богдановича начала 1760-х годов к его расцвету в «Душеньке» (1778). Нам почти невозможно представить дискретного развития. Кажется, что, пока мы не признаем его, развитие поэзии середины XVIII века будет оставаться во многом для нас непонятным.

DOI: 10.31860/0131-6095-2019-4-67-71

© Н. А. Паршукова, © Е. А. Романова

**«ПОСЛЕ ШЕСТИЛЕТНЕЙ РАЗЛУКИ»?
(К ВОПРОСУ ДАТИРОВКИ
«ПУТЕВЫХ ЗАПИСОК 1847 ГОДА» В. Ф. ОДОЕВСКОГО)**

В Отделе рукописей Российской национальной библиотеки хранится дорожный дневник князя В. Ф. Одоевского, названный следующим образом: «Путевые записки 1847 года». Запись названия отличается от почерка автора и сделана, по всей вероятности, во время переплета и систематизации бумаг уже покойного Одоевского, которыми занимался сначала С. А. Соболевский, а позднее А. И. Кошелев.¹ В фонд библиотеки единицы хранения поступили в переплетенном виде и были описаны в 1884 году И. А. Бычковым (сегодня это опись № 1 фонда В. Ф. Одоевского).²

Полностью документ никогда не был опубликован. Исследователи периодически обращаются к дневнику и черпают из него подробности биографии Одоевского и лиц, с которыми он встречался в пути. Так, М. А. Турьян в ряде статей частично воспроизводит страницы «Путевых записок», разрабатывая сюжет о встрече в Германии Одоевского с В. А. Жуковским. Согласно версии исследовательницы, в 1847 году «после шестилетней разлуки» первый день своего пребывания в Дюссельдорфе 4 (16) августа Одоевский «посвятил другу». «Впечатления этой долгожданной встречи», собственно, и «отложились на страницах путевых заметок писателя».³

Как следует из дневника, в ходе дружеской беседы Жуковский изложил Одоевскому два сюжета, которые в это время занимали его творческое воображение. Первый «в роде легенды»: «Монах бывший духовник Иоанны д'Арк рассказывает [об ней] ея историю».⁴ Второй посвящен «Ахеасверусу» — одному из вариантов легенды о Вечном жиде. Последний сюжет был разработан Жуковским позднее, но не до конца.⁵

После встречи писателей в Дюссельдорфе в том же дневнике Одоевский фиксирует, что Жуковский «перевел всего *Наля*» и «две песни Одиссея».⁶ Логично предположить, что эти факты относятся к разряду новостей. Однако известно, что работа над переводом отрывка древнеиндийского эпоса закончилась значительно раньше: в 1844 году произведение уже вышло в свет. Таким образом, по версии Турьян

¹ См. об этом: Бычков И. А. Бумаги князя В. Ф. Одоевского // Отчет Императорской Публичной библиотеки за 1884 г. СПб., 1887. С. 58–59.

² Там же. Прил. 2. С. 1–65.

³ Турьян М. А. В. Ф. Одоевский и В. А. Жуковский: Из архивных разысканий // Турьян М. А. Русский «фантастический реализм»: Статьи разных лет. СПб., 2013. С. 212.

⁴ Там же. С. 214.

⁵ Подробнее об этом см.: Виноцкий И. Ю. Дом толкователя: Поэтическая семантика и историческое воображение В. А. Жуковского. М., 2006. С. 290 и далее.

⁶ Турьян М. А. В. Ф. Одоевский и В. А. Жуковский. С. 213. Оригинал: РНБ. Ф. 539. Оп. 1. № 52. Л. 143.

получается, что Жуковский при встрече с Одоевским рассказывал об окончании работы над эпосом спустя несколько лет после его публикации. И Одоевский это записал как новость.

По поводу «двух песен» «Одиссеи» исследовательница замечает, что «неясно», о каких именно двух песнях идет речь.⁷ Здесь следует вспомнить, что работа над эпосом проходила у Жуковского в два этапа. В 1842–1844 годах — I–XII песни, в 1848–1849-м — XIII–XXIV песни.⁸ В 1847 году поэт уже занимался изданием первой части, ко второй же, по-видимому, еще не приступал. Так что действительно неясно, о каких двух песнях «Одиссеи» могла идти речь в 1847 году.

Согласно «Запискам» Одоевского, встреча двух писателей состоялась в Дюссельдорфе. Однако в 1847 году Жуковский в Дюссельдорфе уже не жил. В 1844 году он с семьей переехал во Франкфурт-на-Майне (о чем имеется запись в его дневнике),⁹ а в указанную дату 4 (16) августа 1847 года находился вместе с большой супругой на отдыхе в Эмсе. Там он действительно читал «Одиссею», но не Одоевскому, а Ф. И. Тютчеву, который провел в Эмсе шесть дней с 31 июля (12 августа) по 5 (17) августа.¹⁰ Как сообщает Жуковский в письме А. С. Хомякову от 12 (24) сентября 1847 года, Тютчев «приехал в Эмс нарочно для меня и для Одиссеи, прожил там до моего отъезда, заставил меня прочитать ему Одиссею».¹¹

Когда же в таком случае состоялась встреча Жуковского с Одоевским в Дюссельдорфе?

Еще один сюжет из того же дорожного дневника Одоевского разрабатывал в свое время П. Н. Сакулин. Согласно его версии, в 1847 году во время заграничной поездки Одоевский посетил в Лозанне библиотеку известного теософа и мистика Ж.-Ф. Дютуа-Мамбрини (Jean-Philippe Dutoit-Membrini, 1721–1793). Там он смотрел переписку Л. К. де Сен-Мартена с бароном Н.-А. Кирхбергером. Об этой же переписке, как полагает Сакулин, Одоевский сообщал в письме к А. И. Тургеневу.¹² На основании дневника исследователь предположительно датирует это письмо 1847 годом.¹³ Но А. И. Тургенева к этому времени уже не было в живых, он скончался в 1845 году.

В дополнение ко всему, согласно «Формулярному списку» Одоевского, в 1847 году князь за границу не ездил, а был уволен «в Велико[е] княжество Финляндское для пользования морскими ваннами в 1847 году с 1-го августа на 29 дней с отсрочкою до 29-го сентября».¹⁴ А с 21 июня (3 июля) по 17 (29) июля этого же года Одоевский по долгу службы замещал директора Императорской публичной библиотеки,¹⁵ следовательно, находился в Петербурге. Если же верить «Путевым запискам», то 29 июня (11 июля) Одоевский уже был в Потсдаме¹⁶ и выполнять обязанности заместителя директора никак не мог.

Все эти несоответствия дают основание к пересмотру датировки так называемых «Путевых записок 1847 года».

Почему и кем именно дневник отнесен к указанному в названии году, остается загадкой. На протяжении нескольких сотен страниц тетрадей цифра «1847» не встречается ни разу. Самая поздняя дата, обозначенная в дневнике, — 1842 год. Она попа-

⁷ Турьян М. А. В. Ф. Одоевский и В. А. Жуковский. С. 213 (прим. 4).

⁸ Подробнее об этом см.: Виницкий И. Ю. Дом толкователя. С. 239.

⁹ Жуковский В. А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. М., 2004. Т. 14: Дневники. Письма-дневники. Записные книжки. 1834–1847 / Сост. и ред. О. Б. Лебедева и А. С. Янушкевич. С. 281.

¹⁰ Летопись жизни и творчества Ф. И. Тютчева / Сост. Т. Г. Динесман и др. [М.], 2003. Кн. 2: 1844–1860. С. 67.

¹¹ Жуковский В. А. Соч.: С приложением писем, биографии / Под ред. П. А. Ефремова. 7-е изд., испр. и доп. СПб., 1878. Т. 6. С. 639.

¹² Сакулин П. Н. Из истории русского идеализма. Кн. В. Ф. Одоевский. Мыслитель. Писатель. М., 1913. Т. 1. Ч. 1. С. 151 (прим. 2).

¹³ Там же. С. 398 (прим. 3).

¹⁴ РНБ. Ф. 539. Оп. 1. № 101/3. Л. [2–3].

¹⁵ Там же. Л. [1 об.].

¹⁶ Там же. № 51. Тетрадь 2. Л. 2.

дается по меньшей мере трижды и относится к событиям, описанным в дневнике.¹⁷ В подавляющем большинстве записи датированы только числом и месяцем, несколько раз называется день недели. Даты в основном приводятся и по старому, и по новому стилю. Сопоставление дат с днями недели подтверждает наше предположение о 1842 году как дате написания дневника. Все указанные путешественником дни недели совпадают с календарем 1842 года: день 2 августа действительно был вторником, 15 августа — понедельником, 23 сентября — пятницей, а 6 октября — четвергом.¹⁸

Год 1842 как время составления «Записок» идеально вписывается в биографию Одоевского. Именно в этот год князь впервые отправился в четырехмесячное заграничное путешествие, и в его «Формулярном списке» имеется соответствующая запись.¹⁹ Характер заметок дорожного дневника также свидетельствует о том, что путешественник оказался за границей впервые. Указывались не только денежные расходы и расстояния между городами, но и малопримечательные подробности, зарисовывались здания и пейзажи, описывались нравы публики и уклад жизни населения. Словом, все то, что обычно замечается при первом посещении той или иной местности.

Дополнительным аргументом в пользу 1842 года служит дневниковая запись от 16 июля,²⁰ которая, как нам представляется, относится к Н. П. Огареву, случайно встретившемуся с Одоевским в Лейпциге. Эту встречу упоминал и Огарев в письме к Е. В. Сухово-Кобылиной от 22 июля того же года.²¹ Из Лейпцига путешественники вместе проследовали на поезде до Дрездена. Забавные подробности этого переезда отметил в дневнике Одоевский: «...немец, сидящий с нами, курил, я упросил О. <Огарева?> не курить, чтобы показать, что в нас законности больше, нежели у немца; на что он заметил, что будет кидать вишневые косточки, ибо этого в билете не запрещено».²²

Новая датировка дневника Одоевского расставляет все по своим местам. Встреча писателей²³ происходит в Дюссельдорфе, где и жил Жуковский в 1842 году. Он делится с гостем своими новыми литературными достижениями, одно из которых — начавшаяся гигантская работа по переводу «Одиссеи». Согласно свидетельству самого Жуковского, первые две песни были в основном готовы уже к марту 1842 года, о чем он сообщал в письме императрице Александре Федоровне.²⁴ Именно об этих двух первых песнях и упоминает, надо полагать, Одоевский в своем дорожном дневнике. Его формулировка не противоречит данному факту: обычно так, без указания порядкового числительного, и говорят о первых двух единицах в ряду множества.

То же можно сказать и об эпосе «Наль и Дамаянти», который был закончен, но еще не отправлен в свободное плавание. Уже была сделана финальная вычитка,²⁵

¹⁷ Там же. Л. 1, 57, 72.

¹⁸ Там же. Тетрадь 3. Л. 62; № 52. Л. 137; № 50. Л. 127, 194. См. также: Там же. № 50. Л. 183 (4 октября — вторник); л. 203 (8 октября — суббота); л. 206 (9 октября — воскресенье); л. 220 (12 октября — «среда»); л. 281 (23 октября — воскресенье); л. 311 (29 октября — суббота). Других отметок о днях недели, указанных параллельно с датой, в дневнике нет.

¹⁹ Там же. № 101/3. Л. [2].

²⁰ Там же. № 51. Тетрадь 2. Л. 40, 43.

²¹ Огарев Н. П. Письма к Евд. В. Сухово-Кобылиной / Публ. Я. Черняка // Лит. наследство. 1953. Т. 61: Герцен и Огарев. I. С. 866.

²² РНБ. Ф. 539. Оп. 1. № 51. Тетрадь 2. Л. 43–44.

²³ В цитированной выше публикации фрагмента дневника Турьян отмечает, что встреча произошла во вторник, однако в 1847 году день 16 августа выпадал на понедельник. В 1842 году этот день действительно был вторником. См.: Турьян М. А. В. Ф. Одоевский и В. А. Жуковский. С. 213.

²⁴ Жуковский В. А. Соч. Т. 6. С. 341.

²⁵ В дневнике Жуковский отметил начало работы над переписыванием «Наля»: 10 (22) октября 1841 года. Дата окончания — 26 ноября (8 декабря) 1841 года — сохранилась на писарской копии повести, содержащей большую правку писателя. См.: Жуковский В. А. Полн. собр. соч. и писем. Т. 14. С. 262, 533. В конце Жуковский обозначил не только дату, но и место создания рукописи: «Дюссельдорф». В печатном варианте повести город также указан. См.: Жуковский В. А. Наль и Дамаянти, индейская повесть. [СПб.], 1844. С. 8.

но повесть не отпускала, занимала воображение и мысли.²⁶ И конечно, при встрече с Одоевским Жуковский не преминул рассказать о ней собрату по перу.

Подтверждением вышеизложенного служит письмо Авдотьи Петровны Елагиной Жуковскому от 4 (16) июля 1842 года. Она упоминает Одоевского, который, по ее предположению, уже прибыл к Жуковскому в Дюссельдорф, а также спрашивает писателя о его текущей литературной работе: о повести «Наль и Дамаянты» и об «Одиссее».²⁷

Достаточно объемный фрагмент дневника из последней седьмой тетради путешествия оказался изъятым и помещенным в другой переплет. Недостающие листы 328–341 вшиты в переплет 95 и имеют новую пагинацию в рамках всей единицы хранения.²⁸ Скорее всего, друзья Одоевского при разборе его бумаг определили этот фрагмент как достойный особого внимания и поместили вместе с другими заметками, могущими «служить материалом для его биографии».²⁹ На изъятom фрагменте сохранилась изначальная пагинация. Этот пассаж почти полностью был опубликован П. Н. Сакулиным³⁰ и правильно датирован — 1842 годом.³¹ К этому же году следует относить и эпизод с посещением библиотеки Дютуа, а также письмо Одоевского к А. И. Тургеневу, в котором речь идет о переписке Сен-Мартена с Кирхбергером.

В связи с передатировкой дневника исчезает так называемая вторая встреча с Шеллингом 1847 года.³² Двух встреч с Шеллингом, о которых писал Сакулин, увы, не было. Одоевский встречался с кумиром своей юности только в 1842 году.

Таким образом, на основании проведенных исследований становится понятно, что «Путевые записки 1847 года» должны быть датированы летом–осенью 1842 года и являются дневником первого путешествия Одоевского за границу: Германия, Швейцария, Франция, Италия.

В настоящий момент достаточно обширная рукопись представляет собой разрозненные листы, наклеенные на фальцы и переплетенные в три единицы хранения.³³ Явно, что изначально это были тетради небольшого формата (крайние значения: от 80 × 145 мм до 110 × 165 мм).

Надо сказать, что заметки дневника велись исключительно для личного пользования, поэтому писались, как говорится, «на коленке», зачастую размашистым и неаккуратным почерком, в связи с чем многие страницы с трудом поддаются дешифровке. В основном записи сделаны карандашом, что также затрудняет прочтение. Возможно, именно поэтому хронологический порядок при переплете и систематизации дорожно-го дневника перепутан.

Нумерация тетрадей и страниц принадлежит не Одоевскому. Сохранилось только одно указание, сделанное рукой писателя: «№ 3 Германия» (№ 51. Тетрадь 3. Л. 2). Остальные номера тетрадей проставлены на фальцах уже после переплета. Отсчет начинается со второй тетради. За ней по порядку идет третья. Они объединены в один переплет (№ 51) и имеют раздельную пагинацию.

²⁶ В письме великому князю Константину Николаевичу от 28 октября (9 ноября) 1842 года Жуковский писал: «Скоро отправлю к вам Наль и Дамаянты; эта поэма давно переписана, и я не умею сказать, почему еще не послана; главною причиною этой задержки то, что я не писал еще моего посвящения, которое давно готово в мыслях, но не перешло еще из головы в перо» (*Жуковский В. А. Соч.* Т. 6. С. 359).

²⁷ «Думаю, что вам расскажет о нем <Киреевском. — Н. П., Е. Р.> Одоевский, который, верно, теперь у вас. <...> Что Наль наш? — отчего примолк? <...> Что Одиссея?» (Переписка В. А. Жуковского и А. П. Елагиной: 1813–1852 / Сост., подг. текста, статья и комм. Э. М. Жиликовой. М., 2009. С. 499).

²⁸ РНБ. Ф. 539. Оп. 1. № 95. Л. 42–55.

²⁹ Бычков И. А. Бумаги князя В. Ф. Одоевского. Прил. 2. С. 59.

³⁰ Сакулин П. Н. Из истории русского идеализма. Ч. 1. С. 459–460.

³¹ Там же. С. 459 (прим. 1).

³² Там же. С. 151 (прим. 2).

³³ РНБ. Ф. 539. Оп. 1. № 51: «Путевые записки 1847го года. I. Листы 1–115; 1–90» (тетради 2, 3); № 52: «Путевые записки 1847го года. II. Листы 1–95; 1–114» (тетради 4, 5); № 50: «Путевые записки 1847го года. III. Листы 91–345» (тетради 6, 7). Далее ссылки на эту рукопись приводятся в тексте с указанием номера единицы хранения и листа.

Четвертая и пятая тетради (№ 52) перепутаны местами. Восстановить исходный порядок появления записей можно по датам, регулярно указанным в дневнике, и названиям населенных пунктов, помогающим в целом представить маршрут следования.

Первая упомянутая дата в пятой тетради — 3 (15) августа, последняя — 12 (24) августа (№ 52. Л. 137, 192), записи охватывают маршрут от Франкфурта до Майнца.³⁴ Четвертая тетрадь начинается с 17 (29) августа, заканчивается 1 (13) сентября (№ 52. Л. 4, 62), указаны города от Майнца до Женева. Таким образом, ясно, что хронологически тетради были расположены неверно.

Между четвертой и пятой тетрадями имеется несколько листов (№ 52. Л. 85–95), отличающихся по формату и бумаге от соседних. Очевидно, что это была еще одна тетрадь, оставшаяся архивариусом при описании готовых переплетов. Судя по номерам населенных пунктов, среди которых Ашаффенбург (л. 88) и Оффенбах (л. 93). Если построить маршрут, то эти баварские населенные пункты лежат между Вюрцбургом (этим городом заканчивается тетрадь 3) и Франкфуртом (этим городом начинается тетрадь 5). Таким образом, ясно, что эта тетрадь должна следовать за третьей.

Что касается страниц, то большинство номеров было проставлено до переплетных работ, поэтому сегодня в ряде тетрадей сохранилась и исходная пагинация, и вторичная, сделанная архивариусом при описании готовых переплетов. Судя по номерам страниц, изначально тетради 3, 6 и 7 имели сквозную пагинацию. Однако сопоставление дат и городов доказывает, что номера тетрадей проставлены с учетом содержания: четвертая тетрадь заканчивается, а шестая тетрадь открывается описанием событий в Женеве, датированных соответственно 1 (13) сентября (№ 52. Л. 62–63) и 3 (15) сентября (№ 50. Л. 91–93).

Согласно указанным городам и датам части дневника должны располагаться так:

№ 51: тетрадь 2 (листы 1–37, 37а, 38–115), тетрадь 3 (листы 1–90);

№ 52: тетрадь без номера (листы 85–95), тетрадь 5 (листы 1–114; архивная пагинация: листы 96–210), тетрадь 4 (листы 1–84);

№ 50: тетрадь 6 (листы 91–218), начало тетради 7 (листы 219–327, 1 лист без номера);

№ 95: фрагмент тетради 7 (листы 328–341; архивная пагинация: листы 42–55);

№ 50: окончание тетради 7 (листы 342–345).

Первая тетрадь дорожного дневника, судя по всему, хранится в переплете 95 (листы 103–117). Она принципиально отличается от остальных путевых блокнотов не только увеличенным форматом и иной бумагой, но и отсутствием подробных записей о путешествии. О том, что она принадлежит именно этому дорожному дневнику, говорит наличие нескольких фрагментарных записей, относящихся к Москве, через которую пролегал путь четы Одоевских за границу, а также известный диалог Одоевского с Шеллингом, состоявшийся в Берлине в начале путешествия.³⁵ Отметку об этой беседе Одоевский сделал на первом листе второй тетради (№ 51. Л. 1).

³⁴ Из Майнца была совершена поездка на пароходе в Дюссельдорф. На обратном пути Одоевские посетили Кельн, Бонн, Йоханнесберг. Затем путешественники вернулись в Майнц и оттуда продолжили поездку на юг Германии и далее по маршруту.

³⁵ Беседа неоднократно опубликована и прокомментирована. См.: *Одоевский В. Ф.* О литературе и искусстве / Вступ. статья, сост. и комм. В. И. Сахарова. М., 1982. С. 138–141.